

ЧАСТЬ II. КИЧМЕНЖАНЕ В ИСТОРИИ РОССИИ

Гладких С.А.

ИСТОРИЯ РОДА ГЛАДКИХ

Абсолютное большинство жителей нашей страны давно превратились в «Иванов, не помнящих родства». В лучшем случае люди помнят 3-4 поколения своих предков, тогда как существует реальная возможность изучить свою родословную до 15-го колена. Однако Россия искони была крестьянской страной, и предки почти всех ныне живущих представителей русского народа – крестьяне. Казалось бы, какая может быть родословная у крестьян? Чем они могут похвалиться? Но пусть не кичатся своим происхождением потомки бояр и дворян: русский крестьянин родовит иной раз не менее старинных знатных фамилий. К тому же именно обращение к изучению крестьянских родословных позволяет прояснить многие глубинные исторические процессы, происходившие в гуще народной жизни, и раскрыть обстоятельства повседневного существования русского народа – титульной нации России.

Поэтому, начиная с 2002 года, автором ведётся кропотливая работа по изучению истории одного из северных крестьянских родов – рода Гладких¹. В настоящее время генеалогическое древо Гладких восстановлено на двенадцать поколений, и на основе проведённых изысканий постепенно начинает вырисовываться общая картина истории этого древнего земледельческого рода. Однако Гладких – фамилия весьма распространённая. В данном исследовании речь пойдёт только о тех Гладких, исторической родиной которых является территория современного Кичменгско-Городецкого района Вологодской области.

Фамилия Гладких, как и большинство крестьянских фамилий на Русском Севере, появилась в XVII веке². Происходит она от прозвища «Гладкий», данного когда-то основателю рода. «Гладкий» в то время означало или «полный», «холёный»; или же «ловкий», «хитрый»³. Очевидно, неизвестный пока родоначальник (архивных сведений о нём ещё не найдено) обладал либо соответствующей внешностью, либо определёнными личностными качествами. Поскольку явных толстяков в роду не отмечалось, второй вариант более вероятен. А окончание на «-их», закрепившееся за его потомками, свидетельство-

вало о принадлежности носителей фамилии к большой и прочной патриархальной семье⁴. Эта достаточно часто встречающаяся в России фамилия сформировалась на территории Устюжского уезда, а позже, в результате нескольких волн расселения, «разошлась» и по другим регионам страны. В настоящее время фамилия Гладких наиболее распространена на территории Русского Севера, в Сибири и центрально-чернозёмной зоне⁵.

В зависимости от диалектных особенностей регионов существует два варианта произношения фамилии Гладких: с ударением на первый или второй слог, что иногда вызывает различные недоразумения. Однако исторически верно ставят ударение, естественно, там, где человек родился. Для Кичменгско-Городецкого района характерно произношение фамилии Гладких с ударением на первый слог, хотя, например, в районе севернее Великого Устюга, где эта фамилия и появилась, ударение чаще ставят на окончание.

«Родовым гнездом» всех кичменгско-городецких Гладких является впервые упоминаемая в писцовой книге 1623-1626 годов деревня Даниловская (прежние названия – Клечевское селище, Клечево дворище)⁶. Наименования «селище» и «дворище» могут указывать, что некогда деревня пришла в запустение, а затем была заселена вновь⁷, что свидетельствует о её значительной древности: возникла Даниловская не позднее XVI века. Деревня эта стоит на южном склоне холма, образованного впадающим в небольшую реку Шонга ручьём Лагмарь, и ограничена этим ручьём с востока от деревни Рябево, а с запада – логом с пересыхающим ручьём от деревни Онохово. Это классическое расположение северной русской деревни, надёжно защищённой лесом и склоном холма от холодных северных ветров⁸. Ещё сто лет назад Даниловская была средней величины селением обычного для этих мест рядового типа планировки: около двадцати домов стояли в три ряда фасадом на юг, спускаясь к Лагмарю. Население деревни в канун Первой мировой войны составляло 111 человек⁹. Теперь в деревне осталось три дома, и все – нежилые...

Несмотря на кажущуюся обычность, Даниловская обладала совершенно уникальным, неповторимым силуэтом благодаря наличию здесь одного удивительного природного феномена. Вертикальной доминантой деревенского пейзажа служила стоявшая в центре деревни огромная ель. Растущие на открытом пространстве деревья обычно широко ветвятся, расходясь порой на несколько стволов, но это дерево выросло вопреки всем законам. Даниловская ель была подлинным чудом природы. Огромный прямой ствол, совершенно лишённый вет-

вей, буквально взмывал вверх примерно на тридцать метров, а над ним широко раскинулся геометрически идеальный конус кроны. При этом ствол и крона находились между собой в отношении золотой пропорции, как и сама ель с тем холмом, на котором стояла деревня, что придавало всему пейзажу необыкновенную гармоничность и красоту. «Шапка» даниловской ели настолько возвышалась над лесом, что её было видно с различных обзорных точек за десятки километров. Ель была символом деревни и гордостью её населения. Уникальное дерево погубила огромная парусность кроны, приходившаяся на верхнюю часть гигантского ствола. Страшным ураганом 1986 года ель сломило почти у самого комля. Было ей тогда около трёхсот лет. Вся история рода Гладких, жившего на Даниловской, прошла под кроной этой невиданной ели.

Географически Даниловская и окрестные деревни находятся в центральной части обширного региона Поюжья, на образованных рекой Юг и её притоком Шонга живописнейших холмах, являющихся северными отрогами огромной гряды Северных Увалов. Эта местность отличается необычайной красотой, особенно яркой и неповторимой в короткий период золотой осени, и издавна освоена человеком. Археологические данные свидетельствуют о заселении этой территории ещё в эпоху мезолита, а первые письменные упоминания о существующих здесь русских поселениях относятся к XV веку. Поюжье, видимо, ещё с XI века постепенно осваивалось и новгородцами, и выходцами из ростово-суздальской земли, но преобладала «низовская», то есть поволжская колонизация¹⁰. В XV веке эти территории прочно вошли в состав Московского государства.

Согласно прежнему административно-территориальному делению, деревня Даниловская первоначально входила в Кичменгскую волость («волость Кичменга») Устюжского уезда. Со второй половины XVII века в составе волости отдельно указывается Шонгский («Шонский») стан¹¹, который, возможно, был независимым административным формированием¹². В этом стане числилась и Даниловская. К концу XVIII века на основе прежнего стана оформился «Шонский волостной присуд» Кичменгской волости¹³, а после ряда административных преобразований в XIX веке возникла Шонгско-Николаевская волость Никольского уезда Вологодской губернии, просуществовавшая до 1924 года. В составе волости Даниловская относилась к Конищевскому сельскому обществу, в середине XIX века в связи с переносом сельского управления переименованному в Повинское¹⁴. «Правопреемником» бывшей волости стал Шонгский сельсовет, а 1 января 2006 года¹⁵ было образо-

вано существующее донныне Шонгское сельское поселение Кичменгско-Городецкого района Вологодской области. По церковному же административно-территориальному делению Даниловская всегда относилась к приходу Шонгско-Николаевской церкви, находившейся менее чем в двух километрах к югу, в местном административном центре – деревне Еловины (Еловики, Еловиково), позже получившей название Повинская, а затем слившейся с церковным погостом в село Шонга¹⁶. Сохранившиеся с 1780 года метрические книги этой церкви и позволили выполнить данное исследование.

Население Даниловской всегда было лично свободным: деревня в материалах писцового делопроизводства именуется «чёрной», следовательно, в ней проживали черносошные крестьяне, с 1724 года именуемые государственными, а сама деревня – «казённого ведомства». Шонгские территории в местной округе считались богатым краем: здесь были издавна разработанные земли, благоприятный для земледельческих занятий микроклимат, пролегал важнейший в регионе торговый путь – Никольский тракт. По данным 1893 года, в Шонгско-Николаевской волости проживало 3272 души мужского пола, владевших 47532 десятинами земли, 2611 лошадьми, 5550 коровами, 975 телятами, 2457 овцами и 1662 свиньями – весьма внушительные для северного региона цифры¹⁷. Другим показателем зажиточности местного крестьянства служила ежегодно проходившая в Шонгско-Николаевской волости Никольская ярмарка, которая в начале XX века по своему торговому обороту была крупнейшей на территории всего Никольского уезда¹⁸. Население волости быстро росло: в 1914 году только в приходе Шонгско-Николаевской церкви (а ведь была ещё и Шатенёвская Николаевская) числилось 6373 прихожанина¹⁹. Таким образом, место жительства род Гладких выбрал очень удачно.

Внешне представители рода Гладких вполне типичны для данной местности: это невысокие, правильной конституции и гармоничного телосложения люди, обычно широколицые, с тёмной пигментацией волос, представляющие собой сочетание русского верхневолжского антропологического типа с финно-угорскими антропологическими элементами²⁰. Определился этот тип ещё до рождения фамилий в результате заселения русскими местной территории, занятой в то время чудским населением, что привело к неизбежному смешению и постепенной ассимиляции «чуди». Вероятно, дорусское население Поюжья относилось к так называемой «чёрной чуди», то есть к финно-угорским племенам, проникшим сюда из Поволжья, что и предопределило пигментацию местного населения²¹. Русская колонизация края

проходила отчасти по путям, проложенным ранее финно-уграми. Любопытно, что ещё в середине XIX века, по данным ревизии 1856-1857 годов, вблизи Кичменгского Городка, в том числе по реке Шонге, фиксировалось население, считавшее себя «чуждью» – ни много ни мало, 237 дворов с населением 1421 человек!²² Столь долгое сохранение памяти о предках и чудского этнического самосознания демонстрирует высокую плотность заселения этого региона ещё в дорусский период. Возможно, с этим отчасти связана и такая диалектная особенность края, как «чоканье», то есть замена при произношении звука «ц» на «ч», тогда как в большинстве регионов Русского Севера преобладает обратная тенденция – «цоканье». Впоследствии местные «чудины» утратили свой этноним и признали себя русскими.

Интересной антропологической особенностью Гладких является тот факт, что когда-то очень давно, видимо, в результате одного из браков, в роду «затесался» кто-то рыжий, что привело к своеобразному генетическому эффекту: через поколение среди «обычных» братьев и сестёр – тёмных шатенов, реже brunetов, стали регулярно рождаться рыжие, что не могло не вызывать у мужей определённых подозрений: например, Анатолий Петрович Гладких из масловской ветви рода или Александра Ивановна Гладких из даниловской ветви, известная по деревенскому прозвищу «Санька Лисуха» («лисий» в местном говоре означает «рыжий»).

Практически все Гладких, по мнению многих земляков, а особенно пришедших из других родов жён, отличались тяжёлым характером. Были они всегда «себе на уме», с крестьянской хитрецей, жёсткими в речах и поступках, уверенными в себе и упрямыми в принятых решениях. Практически никому из них нельзя отказать в природном уме, сметке и сообразительности. Трудиться они умели: лентяев в роду не было. Не чуждались, впрочем, и веселья: могли от души спеть, сплясать, «побухтить». При этом были весьма скрытны и бережливы до скупости. Для Гладких характерен также буквально генетический консерватизм – недаром в одном из этнографических очерков конца XIX века о типичном крестьянине Никольского уезда говорилось: «Основную черту характера его составляет привязанность к старине и нелюбовь к нововведениям или переменам его быта»²³. Все эти родовые черты сохраняются за представителями рода и сейчас.

В современном Кичменгско-Городецком районе живут представители приблизительно ста коренных, «эндемичных» крестьянских родов – Барболины, Дурягины, Жаравины, Коряковские, Лёгких, Лето-вальцевы, Митенёвы, Щепелины и другие. Однако Гладких на этой

территории мало, так как появились они здесь, а конкретно в деревне Даниловской, сравнительно поздно, и являются пришлым родом. Согласно наиболее ранней из сохранившихся по данному региону писцовой книге дьяка Н.В.Вышеславцева за 1623-1626 годы, в Даниловской числилось три двора, причём фамилия указана лишь у одного дворовладельца: «Федка Микитин Морозов»²⁴. В других документах писцового делопроизводства XVII века среди жителей Даниловской (Жаравины, Морозовы, Шумиловы) Гладких также не числятся²⁵. Нет их и по данным переписи 1719 года, а в 1720 году и вовсе «в одной деревне никого не написано»²⁶. И лишь в 1721 году появляется первая запись: «В деревне Ключевском селище а Даниловская тож при речке Шонге» проживает «Леонтий Антонов сын Глатких» сорока лет, с сыном Фёдором шести лет²⁷. Женщины при переписях тогда не учитывались, поэтому имя жены Леонтия Антоновича остаётся неизвестным. Таким образом, первым представителем рода, о котором удалось обнаружить упоминания в документах, является Леонтий Антонович Гладких, родившийся в 1681 году. Все жившие и живущие на территории Кичменгско-Городецкого района носители фамилии Гладких являются его потомками.

Почему же в Даниловской появился новый крестьянин? Пришёл он, видимо, с севера, из-под Великого Устюга, где эта фамилия была наиболее распространена. Но что заставило его покинуть родину? Ответ нужно искать в социально-экономической ситуации того времени. Рубеж XVII–XVIII веков – это период широких петровских преобразований, больно ударивших по Русскому Северу. Жители и без того небогатого северного региона облагались непомерными налогами, работоспособные мужчины изымались из деревень рекрутскими наборами, в приказном порядке осуществлялся огромный отток населения на строительство Санкт-Петербурга, что зафиксировано грустной народной мудростью: «Батюшка Питер бока наши повытер»²⁸. Население региона катастрофически уменьшалось. Ещё в 1696 году крестьяне Устюжского уезда, в том числе выборный от Шонгского стана Митрофан Емельянов, подписали коллективную челобитную царю, в которой указали: «запустили [деревни] от многих солдатских поборов и служб и от хлебного частого недороду и от скоцкого великого падежу и от немерных правяев и от многой ямской гоньбы... многие за бесхлебицею ели и ныне едят мякино и толкут себе на пропитание соломы и сосновую кору а иные... измерли многие тысячи»²⁹. В начале XVIII века, во время Северной войны, ситуация только усугубилась.

В довершение всех социальных бед в этот период сложились крайне неблагоприятные природно-климатические условия, связанные с похолоданием при высокой влажности, что привело к неурожаю 1716, 1718, 1721 годов³⁰. Население Русского Севера, спасаясь от недорода, бесконечных поборов и петровских реформ, в массовом порядке бежало с насиженных родовых мест. Одним из показателей данного процесса является почти полная смена населения Даниловской: вместо характерных для XVII века фамилий здесь в начале XVIII века наряду с Гладких появляются прибывшие из близлежащих деревень Ботвины, Барболины, Рябева, а из прежних жителей остаются только «старожилы» Морозовы³¹, которые к концу века также исчезнут. Таким образом, появление Гладких на Даниловской является типичным примером «внутренней эмиграции», обусловленной невыносимыми условиями существования на прежней малой родине.

В середине XVIII века на Даниловской произошёл первый семейный раздел: вступив после смерти отца в брак, старший сын Леонтия Софрон (упоминавшийся ранее Фёдор Леонтьевич, видимо, умер в детстве) «ушёл в приёмки», то есть переехал в родную деревню жены – Маслово³² (прежние названия – Рязаново, Маслово гора³³). Маслово находится в четырёх километрах восточнее Даниловской, на Никольском тракте, полукружьем раскинувшись по склону высокого холма у излучины реки Юг при впадении ручья Пилькиш. Деревня эта существует и поныне. Обосновавшись здесь, Софрон Леонтьевич положил начало новой, масловской ветви рода. Младшие братья Софрона, Пётр и Иван, согласно неписаной русской традиции «меньшему сыну – отцовский двор, старшему – новоселье»³⁴ остались жить в доме отца, но если Пётр умер бездетным, то Иван смог продолжить даниловскую ветвь. Потомки его, по различным обстоятельствам покинувшие родную деревню, живут сейчас в Архангельской, Кировской, Мурманской и Вологодской областях. Последний представитель даниловской ветви рода по мужской линии – автор этих строк.

Поколением позже, на рубеже XVIII–XIX веков, Маслово по неизвестным причинам покинул младший сын Софрона – Фока, переехавший, видимо, также вслед за женой и опять-таки после смерти отца, в соседнюю с Даниловской деревню Рябево³⁵ (прежние названия – Воронино, Вороновская, Михеевская³⁶). Таким образом возникла рябевская ветвь рода Гладких. Последний её представитель по мужской линии, Александр Вениаминович, проживает ныне в Рябеве, а одна из представительниц этой ветви, Галина Ивановна, являлась последней жительницей «родовой» деревни Даниловская. Но самой

многочисленной после всех разделов по-прежнему оставалась старшая, масловская ветвь. Она же, как покажут дальнейшие события, окажется и самой жизнеспособной.

Здесь следует сказать, что представители рода Гладких никогда не относились к числу долгожителей. Те из них, кто не умер от разного рода заболеваний в детстве, обычно уходили из жизни в возрасте от 60 до 70 лет. Случаи смерти в возрасте старше 70 лет единичны. Благодаря успехам медицины несколько выросла продолжительность жизни во второй половине XX – начале XXI века. Так, дольше всех из представителей мужской половины рода прожил Анатолий Петрович Гладких из Маслово – 80 лет (1927-2008). Дата смерти большинства женщин рода, вышедших замуж и покинувших родные семьи, неизвестна, но по крайней мере в XX веке они жили дольше мужчин: некоторые из них смогли «перевалить» за 80, а Евфимии Васильевне Гладких из Даниловской удалось прожить 92 года (1909-2002). При этом интересно, что мужчины из рода Гладких нередко жили меньше своих сестёр, но дольше своих жён, а Никифор Карпович Гладких из Даниловской пережил даже двух жён³⁷.

Наиболее распространёнными записями в метрических книгах о причинах смертей в роду были следующие: «от чахотки», то есть от туберкулёза, который часто уносил в могилу ещё очень молодых людей; «от кашля», «от простуды», «от удушья», реже – «от опухолей» и, наконец, «от старости» и «естественной смертью». Смерти по иным причинам встречаются редко. Впрочем, «диагнозы» ставил приходской священник, поэтому далеко не всегда причина смерти указывалась правильно. Бывала и гибель от несчастных случаев – например, Иван Трифонович Гладких погиб на охоте, схватившись с медведем.

Вполне обычной была огромная детская смертность. Дети умирали от практически неизлечимых тогда оспы, кори, скарлатины, но чаще всего – «от поноса», то есть дизентерии, сальмонеллёза или иных кишечных инфекций. В условиях практически полного отсутствия медицинской помощи на селе и зачастую антисанитарных условий существования эпидемии выкашивали целые семьи. Например, летом 1823 года в Рябеве в течение недели «поносом» умерли двухлетняя дочь и пятилетний сын Фоки Софроновича и Анны Ивановны Гладких³⁸. Весной 1901 года в Маслово от скарлатины в течение двух недель умерли две дочери Михаила Николаевича и Лукии Васильевны Гладких – Агриппина, восьми лет, и Хиония, трёх лет³⁹. Количество рождённых и выживших детей становится максимальным в начале

XX века, но в силу изменения условий и образа жизни резко идёт на спад к концу XX века.

Нередко Гладких умирали, казалось бы, в расцвете сил: Семён Феофилактович – 31 год, Пётр Леонтьевич – 35 лет, Пётр Михайлович – 40 лет, Виталий Александрович – 41 год, Владимир Николаевич – 43 года⁴⁰. Ещё страшнее была смерть в юности: подростками умерли Иван Андреевич и Марфа Степановна, прожив всего лишь 13 лет; Екатерина Софроновна и Иван Тимофеевич скончались в 19 лет, Алексей Иванович – в 20 лет, Кузьма Григорьевич – в 21 год, Пиама Мироновна Наволоцкая, урождённая Гладких – в 23 года⁴¹. Конечно, условия тяжёлой крестьянской жизни не располагали к долгожительству, но, судя по всему, у представителей рода Гладких генетически были слабыми бронхо-лёгочная и сердечно-сосудистая системы. Наблюдались в роду и серьёзно осложнявшие жизнь проблемы с суставами.

Хоронили Гладких на приходском погосте Шонгско-Николаевской церкви, обычно в его северной части. Это кладбище, расположенное в центре современного села Шонга, было разорено при Советской власти, но сейчас постепенно возрождается. Стараниями родственников на нём восстановлена пока только могила Ольги Васильевны Гладких, урождённой Морозовой. Могилы остальных представителей рода стёрты временем и вандалами. Меньшая часть Гладких обрела последний покой на новом кладбище в сосновом бору за Шонгой, на кладбище Кичменгского Городка и других населённых пунктов, по которым раскидала их судьба.

Жили же Гладких, как и все русские крестьяне того времени, патриархальными семьями по десяти и более человек, состоявшими из трёх-четырёх поколений рода. «Большаками», то есть дворохозяевами, являлись старшие мужчины в семье или, по достижении ими преклонного возраста, их старшие сыновья. Семейные разделы в относительно небольшом по численности роду были редкостью, всего до XX века их зафиксировано четыре: по два на век. В XVIII веке в результате упоминавшихся разделов между братьями возникли масловская и рябевская ветви рода. В XIX веке семьи дробились уже представителями не одного, а разных поколений: на Даниловской очередной раздел произошёл ориентировочно в 1830-е годы, когда со двора своего дяди Карпа Ивановича съехал его племянник Андрей Иванович с семьёй, а на Маслове – в 1854 или 1855 году, когда также из семьи дяди Василия Григорьевича выделилась семья племянника Николая Иовича⁴². После семейных разделов родственные связи отнюдь не рвались, и отделившиеся друг от друга семьи жили достаточно дружно, о чём свидетель-

ствуется приглашение родственников восприемниками на крестины и поручителями на свадьбы. А видимым результатом каждого раздела становилось переселение отделявшейся семьи в построенную «помо-чами» (то есть силами всей родни и деревни) новую избу.

Старинный родовой дом Гладких, принадлежавший потомкам Андрея Ивановича, долгое время сохранялся на Даниловской⁴³. Исходя из имеющейся информации о семейном разделе, можно предположить, что появился он в 1830-х годах. Бревенчатая изба с фасадом на три окна и характерным для местной архитектуры подбоем представляла собой типичный «одноколок», или «стопку», среднерусского типа⁴⁴. На тот момент времени это было идеальное деревенское жилище, поскольку знаменитые северные пятистенки стали появляться позже – к концу XIX века, были характерны для более зажиточных семей и широкого распространения в регионе не получили. До 1960-х годов, пока дом не перекрыли шифером, на избе сохранялись старая тесовая крыша и огромный охлупень. Покинутый всеми родовой дом сгорел 20 апреля 2007 года...

Поставлена изба была на совесть, срублена из огромных брёвен просушенного леса, помеченных для сборки клетки не цифрами, как делается сейчас, а зарубками: никакой грамоты в то время Гладких не знали. Если не все, то подавляющее большинство представителей рода оставались неграмотными вплоть до XX века, что совершенно удивительно. Так, из примерно 300 человек, составлявших в 1888 году сельский сход Повинского сельского общества, грамотных значилось всего лишь девятнадцать⁴⁵. Числились в составе этого схода и шестеро Гладких: Аристарх Никифорович, Мирон Никифорович и Тимофей Андреевич из Даниловской; Василий Данилович, Владимир Николаевич и Михаил Николаевич из Маслово, но их подписей под решениями схода не удастся найти никогда.

Семейная жизнь Гладких была вполне обычной для русской крестьянской среды. В первый брак представители рода вступали, как правило, в 20-25 лет. Возраст мужа и жены обычно различался в диапазоне от 1 до 5 лет, хотя иногда, особенно при вторых браках, эта разница была весьма внушительной. Жёны чаще бывали моложе мужей, но нередко и невеста была старше жениха. Зафиксированы несколько браков вдовцов, реже – женитьба на вдовах. Вторые браки в роду были достаточно редкими и, как правило, вынужденными. Встречаются и трагические женские судьбы, когда представительницам рода не удавалось выйти замуж: например, Наталья Петровна Гладких из Рябево так и числилась «девицей» до своей смерти в возрасте 58 лет⁴⁶;

потеряла жениха на Великой Отечественной войне одиноко прожившая 86 лет Антонина Ивановна Гладких из Даниловской.

Замуж за Гладких выходили представительницы многих старинных местных родов: Ирина Евдокимовна Барболина, Евфимия Никитична Баракова, Параскева Павловна Ботвина, Дарья Антоновна Дьякова, Пелагея Ивановна Кокшарова, Мария Васильевна Коряковская, Сусанна Павловна Лобанова, Ольга Васильевна Морозова, Нина Дмитриевна Патракова, Агафья Ивановна Саблина, Матрёна Ивановна Наволоцкая, Клавдия Петровна Ципилёва, Евлампия Зиновьевна Шаравина... Та же история и с представительницами рода Гладких – в замужестве Барболиными, Бубновыми, Зверевыми, Наволоцкими, Патраковыми, Рябевыми... Таким образом, через заключение браков некогда пришлый род Гладких прочно врос корнями в кичменгско-городецкую землю. А на этой земле нет однофамильцев. Здесь даже люди с разными фамилиями – ближние или дальние свойственники и родственники.

По справедливому замечанию знаменитого вологодского писателя В.И.Белова, «жениться не в своей волости считалось более благородным»⁴⁷. Поэтому Гладких обычно сватали невест в соседней Городецкой волости (деревни Мартыново, Сорокино, Шартаново), реже – в более дальних Бобровско-Захаровской (Куфтино, Клепиково, Некипелово) и Байдаровской (Кондратово, Михеево) волостях⁴⁸. «Даниловские» Гладких трижды, в трёх поколениях подряд, брали жён из деревни Ботвино Раменья Кичменгской (позже – Городецкой) волости⁴⁹. Объяснялось это, видимо, тем, что из Даниловской до Раменья можно было пройти не долгим и извилистым торговым трактом, а напрямую – короткой лесной тропой. В границах своей волости невест старались искать в соседних сельских обществах: Берёзовогорском (деревни Голузино, Смольянка, Чёрная) и Емельяновском (Хавино). Но с ростом численности населения браки всё больше «приближались» к родным деревням. Чаще стали жениться на представительницах своей общины – из Тереховицы, Матасово, Подола, Загарья, Слуды, Самылово, Наволока. А вот женщины из своей деревни становились жёнами только в исключительных случаях: у Николая Иовича и Егора Николаевича из Маслово, Карпа Ивановича из Даниловской, Степана Васильевича из Рябево⁵⁰. Единственной горожанкой по происхождению долгое время оставалась жена основателя даниловской ветви Ивана Леонтьевича – Прасковья Дмитриевна из Великого Устюга⁵¹: видимо, тогда ещё не прервались связи Гладких с их прежней исторической родиной. И лишь во второй половине XX века, когда представители

рода Гладких стали разъезжаться по городам и весям России, «география» браков вышла за пределы Кичменгско-Городецкого района.

Дети в крестьянской семье считались «божьим даром», и Господь на эти дары не скупился. Женщины после свадьбы рожали едва ли не каждый год, а бывало, и дважды в год (Сусанна Павловна из Маслово, Матрёна Ивановна и Нина Дмитриевна из Даниловской). 10 детей родилось у основателя масловской ветви Софрона Леонтьевича и его жены Ирины Евдокимовны, 11 детей было в семье Петра Фокича и его жены Татьяны Алексеевны из Рябево. 10 детей от двух жён было у Никифора Карповича из Даниловской, 12 от двух жён – у Николая Иовича из Маслово. И эти цифры ничуть не удивительны для того времени. Но «рекордсменами» по числу детей среди Гладких являются Иван Трифонович и Ольга Васильевна из Даниловской. В течение 22-х лет, с 1897 по 1919 годы, Ольга Васильевна родила 14 детей. Шестеро из них умерли во младенчестве, трое из четырёх сыновей погибли на фронтах Гражданской и Великой Отечественной войн, а Ольга Васильевна до конца дней помогала воспитывать своих внуков, сохранивших о ней благодарную память.

Имена детям до 1918 года давались не родителями, а священниками при крещении, согласно указаниям святцев, поэтому частотность употребления тех или иных имён в роду Гладких соответствует общим антропонимическим закономерностям по России⁵²: из мужских имён преобладают Иван, Пётр, Степан, Михаил, Николай, Александр; из женских – Евдокия, Параскева, Мария, Марфа, Анна. Бывали случаи, когда в одной семье жили дети с одинаковыми именами: две Екатерины Софроновны и два Михаила Николаевича в Маслово, две Ирины Андреевны на Даниловской⁵³. Многие старинные русские имена звучат непривычно для современного уха: мужские Аристарх, Иов, Мина, Малафей, Феофилакт; женские Макрида, Гликерия, Мариамна, Пиамма, Хиония. Ситуация несколько меняется при Советской власти, когда право называть детей переходит к родителям, но каких-либо «экзотических» имён иноязычного или революционно-пропагандистского происхождения в XX веке среди Гладких в силу их извечного родового консерватизма не наблюдается.

У представительниц рода Гладких рождались и внебрачные, по терминологии прежнего времени – незаконнорождённые дети. За ними сохранялась фамилия матери, но по крови представителями рода Гладких они не являются. Выяснить их точное число сложно, поскольку таких детей крестили обычно не в своих приходах, но было их за историю рода не менее десяти. Так, четверо внебрачных детей

родилось у двоих дочерей Григория Софроновича Гладких из Маслово⁵⁴. Здесь образовалась даже целая ветвь незаконнорождённых от Параскевы Григорьевны Гладких, с 1847 года живших, за исключением оставшейся в семье своего брата матери⁵⁵, отдельным двором. Интересно, что столь предосудительное поведение отличало тогда только «масловских» Гладких, и лишь с падением нравственных устоев в XX веке такие случаи стали происходить и среди представителей других ветвей рода, хотя теперь чаще «грешить» стали мужчины. Какой реакцией близких родственников сопровождалась такие события – несложно представить.

В дополнение коллективного психологического портрета масловской ветви рода можно указать, что в 1859 году вся семья Василия Григорьевича Гладких, кроме жившей в его дворе известной грешницы Параскевы Григорьевны, «по нерачению» не присутствовала на обязательной ежегодной исповеди⁵⁶, что являлось исключительным случаем, хотя непосещения исповеди по той же причине отдельными членами семей характерны для всех ветвей Гладких – безусловно, искренне верующих людей. В качестве яркого примера соблюдения христианской морали можно привести поступок Аристарха Никифоровича Гладких из Даниловской. Будучи бездетным, он усыновил сироту Иону Степановича Рябева, который вырос, женился и долгое время жил со своими детьми в доме приёмного отца⁵⁷.

Одной из наиболее душераздирающих семейных историй в роду стал второй брак Николая Иовича Гладких (Маслово), заключённый в июле 1868 года в возрасте 49 лет. После внезапной смерти «от горячки» жены, Любови Диомидовны, вдовец остался с шестью детьми в возрасте от трёх до девяти лет, в разгар сельскохозяйственной страды, когда помочь ему было фактически никому: ситуация для крестьянина того времени совершенно жуткая, грозившая его семье голодной смертью. Николаю Иовичу довелось на себе испытать справедливость народного высказывания: «Кто не вдовел, тот беды не терпел»⁵⁸. Ни о какой новой любви или полноценном сватовстве здесь не могло быть и речи. Поэтому невесту, которая была на 24 года моложе жениха, спешно «сговорили» в той же деревне, и свадьба Николая Иовича и Евдокии Разумниковны, урождённой Наволоцкой, состоялась всего лишь через две недели после смерти первой жены. Этот вынужденный брак, да ещё и при столь существенной разнице в возрасте, вряд ли был счастливым, но последняя их дочь родилась, когда Николаю Иовичу было 59 лет⁵⁹. А после его смерти вдова «перешла» на незаконнорождённых⁶⁰...

Сходная, но ещё более мрачная «свадебная» история произошла в Рябево. В июле 1873 года, вскоре после рождения дочери, от чахотки скончалась Марфа Степановна – 23-летняя жена Якова Ивановича Гладких. Второй его брак состоялся уже через 3,5 месяца, но в июле 1874 года смерть от чахотки унесла и самого 25-летнего Якова Ивановича, очевидно, заразившегося от первой жены. Его сын от второй жены, Лукии Федотовны, родился через 3 месяца после смерти отца. Сын и дочь Якова Ивановича остались жить в доме деда, а вдова была вторично выдана замуж и покинула Рябево⁶¹...

Из своеобразных и даже загадочных браков в истории рода следует отметить состоявшуюся на Маслове в 1900 году свадьбу 35-летнего Егора (Георгия) Николаевича и 30-летней Александры Павловны Гладких – троюродных брата и сестры; причём Александра Павловна считалась «порченной», поскольку за 7,5 лет до этого родила незаконнорождённого, вскоре умершего сына⁶². Видимо, для брака были какие-то серьёзные основания, но какие именно – покрыто мраком. Здесь важно учесть, что согласно канонам византийской и русской православной церкви запрещались браки до седьмой степени родства включительно, но с 1810 года эти требования были смягчены Святейшим Синодом до четырёх степеней, что и сделало брак 1900 года возможным⁶³.

Вообще внутренние родственные связи в истории рода Гладких перекрещивались всего дважды. Вторым случаем уже в середине XX века стал гражданский брак Ивана Степановича Гладких (известного по прозвищу «Ванька Комель») из Рябево и Евфимии Васильевны Рутовой, урождённой Гладких, из Даниловской. Впрочем, были они крайне дальними родственниками – шестюродными братом и сестрой, считали себя однофамильцами и о своём родстве даже не подозревали. Их дочь, Галина Ивановна, оставалась до своего переезда в Шонгу в 2010 году последней жительницей деревни Даниловская.

Но наиболее оригинальной, пожалуй, была личная жизнь Минея Николаевича Гладких, который после состоявшейся в мае 1888 года весьма нетипичной свадьбы: первым браком на вдове, к тому же старше его по возрасту на девять лет, ушёл из Маслово в приёмки, переехав к жене в деревню Загарье. Появившихся таким образом соседей в деревнях не очень жаловали⁶⁴, но Минея Николаевич прижился на новом месте весьма своеобразно: после смерти первой супруги он вторично женился на вдове из Загарья (возможно, младшей сестре предыдущей)⁶⁵. Своих детей, однако, у него не было, и поэтому шанс создать здесь новую ветвь рода Гладких не реализовался.

Немало интересных персонажей было и в женской половине рода. Так, более полувека среди «даниловских» Гладких жила поговорка: «На вас бы Матрёну!» Речь шла о жене Тимофея Андреевича, Матрёне Ивановне, урождённой Наволоцкой. Прожила она около 70 лет, родила четырёх дочерей и пять сыновей. Видимо, женщина была крутого характера, и твёрдо продолжала распоряжаться в доме даже после смерти своего мужа.

Осталась в семейной истории и долгожительница Устинья Петровна Гладких, урождённая Глебова, жена Дмитрия Карповича из Даниловской. Рано овдовев и потеряв трёх детей, умерших во младенчестве, она до конца своей почти столетней жизни жила в семье своего свёкра и его сыновей⁶⁶, и часто выступала восприемницей при крещении новорождённых земляков. Не исключено, что была она и деревенской сватьей. На этом поприще отметились также Аристарх Никифорович и Трифон Тимофеевич Гладких из Даниловской, которые нередко выступали поручителями (свидетелями) на свадьбах, иногда вдвоём. Приходились они друг другу достаточно дальними родственниками и, видимо, были дружны, несмотря на 20-летнюю разницу в возрасте, хотя умерли с промежутком всего в один месяц.

К слову сказать, Трифон Тимофеевич (устная история сохранила и его деревенское прозвище – «Тришка Ледень») был наиболее справным, рачительным и зажиточным домохозяином среди всех Гладких конца XIX века. Согласно данным волостной хозяйственной книги 1890 года, его семья из семи человек, среди которых были двое стариков и двое детей, умудрялась держать двух лошадей, четыре коровы, телёнка, трёх овец и свинью, высевала десятки пудов зерновых (ржи, пшеницы, овса и ячменя), лён и картофель, снимала урожаи сам-три – сам-пять; и это ещё без учёта курятника, огорода и сенокосов!⁶⁷ Таких показателей не имела в то время ни одна семья Гладких.

В фондах Великоустюгского архива сохранился весьма любопытный документ: судебное разбирательство Трифона Тимофеевича из-за умершей коровы, состоявшееся в 1897 году. Оказывается, он «сдал в аренду» свою корову крестьянину из Рябева Степану Семёновичу Барболину, у которого эта корова и сдохла. А ведь «которая корова пала, та по два удоя давала»⁶⁸. В результате решения волостного суда за злосчастную корову ответчику пришлось вернуть Трифону Тимофеевичу два рубля, а поскольку для того времени это была весьма приличная сумма, то он выплатил её в два приёма по одному рублю⁶⁹.

Умер Трифон Тимофеевич Гладких 23 марта 1901 года в возрасте всего лишь 45 лет «от болезненного припадка сердца», то есть от ин-

фаркта, и поскольку скончался скоропостижно, без предварительных исповеди и причастия, было организовано следствие как обязательная при таких обстоятельствах смерти процедура. Похоронен он был только 6 апреля, с разрешения станового пристава⁷⁰. Сохранилась семейная легенда о том, что его тело всё это время висело на крюке в сених (по-местному – «на мосту»): морозная погода позволяла использовать сени как своеобразный морг. Трифон Тимофеевич вообще оставил яркий след в местной истории: ещё в 1960-е годы его уже весьма далёких потомков называли «тришата».

Численность рода Гладких стала стремительно расти на рубеже XIX–XX веков, но тогда это не было чем-то из ряда вон выходящим. Благодаря многосторонней реформе государственной деревни, проведённой в 1837-1841 годах П.Д.Киселёвым, значительно улучшились условия жизни на селе; во второй половине XIX века появилась земская медицина, в результате существенно снизилась смертность и увеличилась рождаемость. В сочетании с достаточно благоприятным и устойчивым природно-климатическим режимом того времени это привело к тому, что во второй половине XIX – начале XX веков в Никольском уезде Вологодской губернии наблюдался настоящий демографический взрыв, давший наибольший прирост населения среди всех уездов Русского Севера⁷¹. Согласно данным всероссийской переписи населения 1897 года, по числу жителей Никольский уезд занимал первое место на Европейском Севере России⁷².

История рода Гладких развивалась в русле общих демографических закономерностей. На начало XX века общая численность рода составляла около ста человек. Два двора Гладких стояли в Маслове, два – в Даниловской, один двор – в Рябеве и один – в Загарье. Благодаря развитию системы образования (в 1913 году в Шонгско-Николаевском приходе функционировали пять земских училищ и церковно-приходская школа⁷³) в роду появились первые грамотные. Есть сведения, что один из Гладких в 1906-1908 годах был Повинским сельским старостой⁷⁴. Род явно находился на подъёме. Однако двадцатое столетие, столь насыщенное жестокими и трагическими событиями, нанесло страшный удар по всему родословному дереву. И в первую очередь на судьбу рода повлияла суровая военная история страны.

Представители рода Гладких издавна отдавали долг Родине службой в вооружённых силах. Так, Пётр Софронович из Маслово был сдан в рекруты ещё в 1790 году⁷⁵, и его дальнейшая судьба неизвестна. В эпоху наполеоновских войн служил его младший брат Гавриил Софронович, впоследствии вернувшийся на родину⁷⁶. Неведомы точ-

ная дата и обстоятельства смерти рядового Низовского егерского полка Дмитрия Карповича Гладких из Даниловской, но ушёл из жизни он в годы Крымской войны⁷⁷. Его племянник Мирон Никифорович во время Крымской войны был принят в Государственное подвижное ополчение, но в боевых действиях, видимо, не участвовал⁷⁸.

В XIX веке были также сданы в рекруты Андрей Никифорович из Даниловской; Даниил Васильевич и Владимир Николаевич из Маслово. По окончании службы все они вернулись на родину, где согласно нормам того времени стали числиться уже не крестьянами, а отставными солдатами, хотя и сохраняли прежний образ жизни⁷⁹. При этом личная жизнь у вернувшихся домой с долгой воинской службы солдат, как правило, не складывалась: если они уходили на службу холостыми, по возвращении создать семью им так и не удавалось. А в деревнях после ухода в рекруты мужей на незавидном положении в доме свёкра оставались солдатки: например, уже упоминавшаяся Устинья Петровна из Даниловской.

Разумеется, рекрутская повинность расценивалась крестьянами как тяжёлая и ломавшая жизнь обязанность, которой старались по возможности избежать. Не исключено, что одной из причин семейных разделов в роду Гладких было стремление уклониться от воинской службы: ведь чем меньше мужчин в семье, тем дальше очерёдность в рекрутских списках⁸⁰. Но государственная необходимость рекрутчины также осознавалась отчётливо, и если уж судьба была попасть в солдаты, то служили честно.

После состоявшегося в 1874 году перехода на всеобщую воинскую обязанность и сокращения сроков действительной военной службы в армии отслужили Миней Николаевич из Маслово, Степан Васильевич из Рябево, Фёдор Тимофеевич и Платон Трифонович из Даниловской⁸¹. По воспоминаниям родственников, впоследствии Платон Трифонович участвовал в Первой мировой войне и Гражданской войне на стороне красных, был представителем младшего состава. Из-за своей бурной военной биографии он так и не женился, доживая свой век бобылём в семье старшего брата Ивана. Ещё перед уходом на Первую мировую войну Платон Трифонович по старому обычаю посадил во дворе берёзку. Деревце прижилось, пошло в рост и стало вторым по высоте в деревне после знаменитой даниловской ели. Под берёзой, как и положено, появились подберёзовики, и спустя много лет последняя жительница родового двора, Нина Дмитриевна Гладких, когда ей уже не под силу было дойти до леса, собирала здесь

«губы» (грибы) на грибовницу. Берёзу сломило очередным ураганом в 1994 году, предвещая скорый конец родового подворья...

В царской России, где мужское население страны значительно превышало необходимый для армии контингент, служили далеко не все мужчины. Ситуация изменилась с приходом Советской власти. Так, в разгар Гражданской войны, в сентябре 1918 года, в 1-м взводе 1-й сотни созданных красными местных вооружённых формирований числились Пётр Фёдорович, Савватий Иванович и Александр Васильевич Гладких из Даниловской, Григорий Иванович и Савелий Александрович из Маслово, Дмитрий Семёнович из Рябево; во 2-м взводе 1-й сотни – Иван Павлович из Маслово и Дмитрий Фёдорович из Даниловской⁸². Семеро представителей рода Гладких в феврале-марте 1919 года окончили курс всевобуча⁸³. Но об их участии в Гражданской войне точных сведений не имеется.

Более того, общее настроение местных крестьян в 1918-1920 годах было далеко не в пользу Советской власти. «Хлебный» Никольский уезд подвергся в это время настоящему нашествию продовольственных отрядов. На почве насильственных реквизиций неоднократно вспыхивали крестьянские волнения, затронувшие и Шонгско-Николаевскую, и смежные с ней волости⁸⁴. Однако сведений об участии Гладких в этом сопротивлении пока не обнаружено. В армии белых, не дошедшей до Никольского уезда, их и вовсе быть не могло.

За время существования СССР в рядах вооружённых сил побывали все мужчины призывного возраста из рода Гладких. Десять из них сложили свои головы на полях сражений Великой Отечественной войны: Александр Михайлович, Пётр Павлович, Иван Иванович, Сергей Иванович, Савелий Александрович и Фёдор Александрович из Маслово; Николай Васильевич, Александр Иванович и Сергей Иванович из Даниловской; Иван Николаевич из Рябево⁸⁵. Все они были простыми солдатами Родины – рядовыми. Их имена можно прочесть на памятнике, открытом 7 ноября 1982 года в селе Шонга⁸⁶.

А в тылу шла ничуть не менее героическая «бабья» война – на трудовом фронте. В годы Великой Отечественной войны в Кичменгско-Городецком районе наблюдался постоянный рост основных показателей сельскохозяйственного производства⁸⁷ – и в первую очередь это было достигнуто самоотверженным, непомерным и надрывным женским трудом. Свой вклад в общее дело победы внесли и труженицы-колхозницы из рода Гладких. Многие из них были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-

1945 г.», например, Нина Дмитриевна Гладких, урождённая Патракова – медалью № Ю235035, вручённой 21 августа 1947 года⁸⁸.

Десяти представителям рода всё же посчастливилось вернуться живыми с войны⁸⁹, но многие стали инвалидами. Старшим по званию среди них был сержант Степан Иванович Гладких из Даниловской – муж только что упомянутой Нины Дмитриевны, работавший впоследствии колхозным счетоводом. Однако ветераны, как правило, быстро уходили из жизни. От страшного удара, нанесённого Великой Отечественной войной, род Гладких не оправился и по сей день: мужчин осталось очень мало, и численность рода по-прежнему уменьшается. Рябевская и даниловская ветви рода, подкошенные войной, восстановиться так и не смогли: все внуки поколения военной поры оставили после себя только дочерей. Единственной родовой веткой, которая даёт молодую поросль по мужской линии, остаётся масловская, представители которой живут сейчас в Кичменгском Городке.

На судьбу рода Гладких оказали заметное влияние и другие исторические события XX века. Так, во время коллективизации, чтобы избежать раскулачивания, жившие большими дворами семьи вынужденно стали дробиться, делить имущество и разъезжаться. Например, были отделены и развезены стоявшие в одном дворе три жилые избы на Даниловской. Здесь следует отметить, что Гладких никогда не были «богатеями» и относились к числу типичных середняков: имели свои огороды, пахотные надельные участки близ своих деревень и дальние покосы. Однако о коллективизации вспоминали показательной фразой: «страшной войны». Большим нравственным ударом для представителей рода стал снос Шонгско-Николаевской церкви.

В 1930-е годы первые представители рода Гладких, отчасти поневоле, поселились в районном центре – Кичменгском Городке. Вместе с тем государственные новации этой противоречивой эпохи имели и положительные стороны: благодаря созданию системы ликбезов все Гладких выучились грамоте. Несмотря на отмечавшиеся судебные преследования по имущественным вопросам, в целом сталинские политические репрессии представителей рода не коснулись. А вот «благодаря» хрущёвским преобразованиям 1960-х годов юные Гладких стали в массовом порядке покидать разоряемые губительной государственной политикой колхозы и уезжать в города. Здесь они становились рабочими, служащими; некоторые смогли получить высшее образование, преимущественно педагогическое. А деревенские ветви рода тихо угасали... В Шонге остались двое, в Рябеве – лишь один представитель некогда обширного рода. Ни одного человека, носящего

фамилию Гладких, не живёт теперь в старинных деревнях Даниловская и Маслово. И в этом, как ни прискорбно, нет ничего удивительного: по данным на 1 января 2005 года, на территории Шонгского сельсовета, близкого по своей территории к приходу бывшей Шонгско-Николаевской церкви, проживало всего лишь 1232 человека⁹⁰, преимущественно пенсионеры...

В настоящее время родственные контакты немногих сохранившихся веток рода фактически утрачены. «Выдавленный» из родных деревень, род как таковой окончательно распался. Его немногочисленные представители проживают сейчас в Санкт-Петербурге, Вологде, Шексне, Котласе, Полярных Зорях, Кирово-Чепецке... Но в основном это женщины. Круг замкнулся: единственным местом, где род Гладких продолжается по мужской линии, является Кичменгский Городок. Исконный, «земляной» крестьянский род выживает только на родной земле Поюжья.

Так сложилась обычная и трагичная история старинного русского рода, веками жившего на земле кичменгско-городецкой. Он не выделялся ничем особым из многомиллионной крестьянской среды, переживая общие на всех беды и победы русского народа. В его жизни, как в зеркале, отражались все значимые события истории большой и малой родины. Крестьянский род Гладких всегда жил одной жизнью со своей страной, отдавал ей все свои силы и погиб вместе с навсегда ушедшей в прошлое крестьянской Россией. Но осколки его ещё живы, и остаётся надежда, что династия Гладких всё же не прервётся, а родовое древо выправится и раскинется могучей кроной, подобно даниловской ели.

Разумеется, осветить историю целого рода в рамках даже такого специального исследования крайне сложно. К тому же генеалогический поиск по истории рода Гладких отнюдь не завершён. Ещё предстоит выяснение обстоятельств его жизни в XVII веке, очень многое требуется уточнить и по веку двадцатому. В генеалогическое описание неизбежно будут вноситься изменения и дополнения. Новые страницы в летопись рода впишут ныне живущие и будущие поколения. Поэтому история рода Гладких ещё далеко не закончена.

¹ Гладких С.А. Из истории крестьянского рода // Заря Севера. Газета Кичменгско-Городецкого района Вологодской области. 2006. 13 июля. С.2.

² Чайкина Ю.И., Смольников С.Н. История русских личных имён, отчеств и фамилий. Вологда: Издательство Вологодского института развития образования, 2001. С.86, 91.

³ Чайкина Ю.И. История вологодских фамилий. Вологда: ВГПИ, 1989. С.17.

⁴ Смольников С.Н. Фамилии устюжан в памятниках местной деловой письменности XVII века // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып.2. Вологда: Легия, 2000. С.282; Чайкина Ю.И., Смольников С.Н. История русских личных имён, отчеств и фамилий. Вологда: Издательство Вологодского института развития образования, 2001. С.91.

⁵ Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. С.210-212; Никонов В.А. Словарь русских фамилий. М.: Школа-Пресс, 1993. С.170.

⁶ Родословие вологодской деревни. Вологда: ВГПИ, 1990. С.187.

⁷ Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области. Архангельск: СЗКИ, 1988. С.74, 79, 202.

⁸ Колесников П.А. Путешествия в родословия. Вологда: Русь, 1997. С.87.

⁹ Великоустюгский центральный архив (далее – ВУЦА). Ф.364. Оп.1. Д.8631. Л.843.

¹⁰ Щепелин С.[А.] Заселение края // Дом. Периодический краеведческий вестник Кичменгско-Городецкого района. 1993. 20 июня. С.2.

¹¹ Писцовые книги Русского Севера. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С.379.

¹² Никольская старина: Исторические и этнографические очерки. Вологда: Древности Севера, 2000. С.92.

¹³ ВУЦА. Ф.594. Оп.1. Д.237. Л.3.

¹⁴ ВУЦА. Ф.203. Оп.1. Историческая справка.

¹⁵ Все даты в тексте даны по новому стилю (Григорианскому календарю).

¹⁶ Наволоцкий В.А. Родословная Наволоцких и Кузнецовых. Кичменгский Городок, Москва: [Б.и.], 2000-2003. С.5.

¹⁷ ВУЦА. Ф.203. Оп.1. Д.723.

¹⁸ См. например: Обзор Вологодской губернии за 1904 год. Вологда: Типография губернского правления, 1905. С.19; Обзор Вологодской губернии за 1905 год. Вологда: Типография губернского правления, 1906. С.16.

¹⁹ Наволоцкий В.А. Родословная династии священнослужителей Кузнецовых // Глубоковские чтения: Сборник докладов. Вып.1. Кичменгский Городок: ООО «Издательский Дом Вологжанин», 2008. С.15.

²⁰ Витов М.В. Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XII-XVII вв.). М.: Наука, 1964. С.2.

²¹ Болдырев И.И. Чудь и Чудь Заволоцкая // Устьянская земля. Октябрьский: Солти, 2009. С.65; Вольский К.П., Романова Е.К. Беседы по начальному топонимическому просвещению. Архангельск: Поморский университет, 2007. С.80.

²² Власова И.В. Этнический состав населения в верховьях Северной Двины и её притоков по переписям XVIII – первой четверти XX в. // Фольклор и этнография Русского Севера. Л.: Наука, 1973. С.38.

²³ Никольская старина: Исторические и этнографические очерки. Вологда: Древности Севера, 2000. С.21.

²⁴ Деревни Кичменгской волости в начале XVII века (По книге писца Никиты Вышеславцева) // Заря Севера. Газета Кичменгско-Городецкого района Вологодской области. 1977. 17 мая. С.4.

- ²⁵ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.1209. Оп.1. Д.516. Л.322-323; Д.15041. Л.115об.-116об., 125об.
- ²⁶ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д. 3760(1). Л.306; Д.3761(1). Л.399.
- ²⁷ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д. 3760(1). Л.306об.; Д.3761(1). Л.399.
- ²⁸ Русские пословицы и поговорки. М.: Художественная литература, 1988. С.16.
- ²⁹ Цит. по: Саблин В.[А.] Социальные отношения на Кичменге в XVII веке // Заря Севера. Газета Кичменгско-Городецкого района Вологодской области. 1976. 28 октября. С.4.
- ³⁰ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2006. С.14.
- ³¹ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д. 3760(1). Л.306-306об.; Д.3761(1). Л.399-399об.
- ³² РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3779. Л.167об.
- ³³ Родословие вологодской деревни. Вологда: ВГПИ, 1990. С.188.
- ³⁴ Русские пословицы и поговорки. М.: Художественная литература, 1988. С.177.
- ³⁵ ВУЦА. Ф.585. Оп.44. Д.1. Л.127, 161об.; Ф.594. Оп.1. Д.237. Л.53.
- ³⁶ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3761(1). Л.378; Д.3763. Л.1050об.
- ³⁷ ВУЦА. Ф.585. Оп.44. Д.2. Л.176; Д.4. Л.139об.; Д.8. Л.501.
- ³⁸ ВУЦА. Ф.585. Оп.44. Д.1. Л.49об.-50.
- ³⁹ ВУЦА. Ф.364. Оп.1. Д.8027. Л.183об.-186.
- ⁴⁰ ВУЦА. Ф.585. Оп.44. Д.3. Л.85; Д.17. Л.228; Ф.594. Оп.1. Д.24. Л.49; информатор А.П.Гладких, с. Кичменгский Городок, 10.08.2008.
- ⁴¹ ВУЦА. Ф.364. Оп.1. Д.7961. Л.302об.; Ф.585. Оп.44. Д.1. Л.9об., 290, 401об.; Д.3. Л.228об.; Д.12. Л.28об.; Д.15. Л.121об.
- ⁴² ВУЦА. Ф.585. Оп.44. Д.5. Л.8об.; Д.8. Л.334об.
- ⁴³ Последняя фотография родового дома (8 февраля 2007 года) помещена на обложке данного издания.
- ⁴⁴ Сафьянова А.В. Народное крестьянское жилище Вологодской области (По материалам экспедиции 1966 г.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л.: Наука, 1973. С.48, 65.
- ⁴⁵ ВУЦА. Ф.203. Оп.1. Д.728. Б.л.
- ⁴⁶ ВУЦА. Ф.585. Оп.44. Д.3. Л.147; Д.15. Л.101об.
- ⁴⁷ Белов В.И. Повседневная жизнь Русского Севера. М.: Молодая гвардия, 2000. С.113.
- ⁴⁸ Список населённых мест Вологодской губернии. Вологда: Типография губернского правления, 1881. Ч.8. С.72-75, 80, 104-105.
- ⁴⁹ ВУЦА. Ф.585. Оп.44. Д.1. Л.354; Д.14. Л.181об.; Ф.594. Оп.1. Д.237. Л.38об.
- ⁵⁰ ВУЦА. Ф.364. Оп.1. Д.7961. Л.294об., 289об.; Ф.585. Оп.44. Д.10. Л.171об.; Ф.594. Оп.1. Д.237. Л.38об.
- ⁵¹ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3779. Л.167об.
- ⁵² Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. Л.: Лениздат, 1985. С.80.
- ⁵³ ВУЦА. Ф.284. Оп.1. Д.806. Л.130об.; Ф.585. Оп.44. Д.1. Л.391об.; Д.3. Л.202об.; Ф.594. Оп.1. Д.24. Л.71об.
- ⁵⁴ ВУЦА. Ф.585. Оп.44. Д.3. Л.54, 95об., 267; Д.5. Л.72об.
- ⁵⁵ ВУЦА. Ф.585. Оп.44. Д.5. Л.339об., 398; Д.8. Л.334об.-335.
- ⁵⁶ ВУЦА. Ф.585. Оп.44. Д.8. Л.578об.

- ⁵⁷ ВУЦА. Ф.203. Оп.1. Д.836. Л.42об.
- ⁵⁸ Русские пословицы и поговорки. М.: Художественная литература, 1988. С.151.
- ⁵⁹ ВУЦА. Ф.203. Оп.1. Д.836. Л.94.
- ⁶⁰ ВУЦА. Ф.585. Оп.44. Д.14. Л.9об.; Д.15. Л.294об.; Д.17. Л.60об.
- ⁶¹ ВУЦА. Ф.203. Оп.1. Д.836. Л.15об.-16; Ф.585. Оп.44. Д.12. Л.30об., 110об., 162об.
- ⁶² ВУЦА. Ф.364. Оп.1. Д.7961. Л.289об.; Ф.585. Оп.44. Д.17. Л.187об.; Д.18. Л.5об.
- ⁶³ Григоровский С.П. Родство и свойство как препятствие к венчанию и к восприимчивости при крещении. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2005. С.9, 21.
- ⁶⁴ Трубин М.К. «Идти во дворяна» // Двинская земля. Вып.3. Вельск: Вельти, 2004. С.267-269.
- ⁶⁵ ВУЦА. Ф.364. Оп.1. Д.8027. Л.162об.; Ф.585. Оп.44. Д.15. Л.77об.
- ⁶⁶ ВУЦА. Ф.203. Оп.1. Д.836. Л.42об.-43.
- ⁶⁷ ВУЦА. Ф.203. Оп.1. Д.615. Л.26об.-27.
- ⁶⁸ Русские пословицы и поговорки. М.: Художественная литература, 1988. С.142.
- ⁶⁹ ВУЦА. Ф.203. Оп.1. Д.785.
- ⁷⁰ ВУЦА. Ф.364. Оп.1. Д.8027. Л.180об.-181.
- ⁷¹ Пинаевский Д.И. Демографические процессы на Европейском Севере России в XVII – начале XX веков. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 2002. С.19.
- ⁷² Подсчитано по: Россия. Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. С.106-109.
- ⁷³ ВУЦА. Ф.364. Оп.1. Д.8537. Л.689об.; Д.8579. Л.809об.
- ⁷⁴ ВУЦА. Ф.203. Оп.1. Д.880. Б.л.
- ⁷⁵ ВУЦА. Ф.594. Оп.1. Д.237. Л.53.
- ⁷⁶ ВУЦА. Ф.585. Оп.44. Д.5. Л.1об.; Д.8. Л.390.
- ⁷⁷ ВУЦА. Ф.284. Оп.1. Д.806. Л.86; Ф.585. Оп.44. Д.7. Л.6об.; Д.8. Л.186.
- ⁷⁸ ВУЦА. Ф.203. Оп.1. Д.168. Б.л.
- ⁷⁹ ВУЦА. Ф.203. Оп.1. Д.836. Л.93об.; Ф.284. Оп.1. Д.806. Л.130об.; Ф.364. Оп.1. Д.7961. Л.309об.; Ф.585. Оп.44. Д.8. Л.267об.; Д.17. Л.227об., 257об.
- ⁸⁰ Иванов Ф.Н. Взаимодействие власти и населения в ходе рекрутских наборов на Европейском Севере России в 1830-1870-е годы // Двинская земля. Вып.5. Котлас: ЭЛПА, 2007. С.88-89.
- ⁸¹ ВУЦА. Ф.203. Оп.1. Д.863. Л.14об.; Д.836. Л.42; Ф.364. Оп.1. Д.7961. Л.294об.
- ⁸² ВУЦА. Ф.Р-471. Оп.1. Д.32. Л.4, 6-6об., 7об., 9-9об.
- ⁸³ ВУЦА. Ф.203. Оп.1. Д.963. Л.6об., 7об.; Ф.Р-471. Оп.1. Д.38. Л.17, 23-23об.
- ⁸⁴ Саблин В.А. Крестьянство Северо-Двинской губернии в 1918-1920 годах (Характер политических настроений) // Великий Устюг: Красведческий альманах. Вып.4. Вологда: ВГПУ, Русь, 2007. С.343-377.
- ⁸⁵ Книга памяти Вологодской области. Кичменгско-Городецкий район. Вологда: Издательство Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1995. С.68, 364.
- ⁸⁶ Кичменгско-Городецкий район. Вологда: Издательский дом «Вологжанин», [2008]. С.28.

⁸⁷ Книга памяти Вологодской области. Кичменгско-Городецкий район. Вологда: Издательство Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1995. С.13.

⁸⁸ Семейный архив Г.С.Зверевой, урождённой Гладких, с. Шонга.

⁸⁹ Ветераны Великой Отечественной. Вологодская область. Кичменгско-Городецкий район. Вологда: Вологодский институт развития образования, 2002. С.78-81.

⁹⁰ Тучи стоят над деревней // Заря Севера. Газета Кичменгско-Городецкого района Вологодской области. 2005. 20 сентября. С.2.